

ПИТАННЯ КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ, КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

УДК 811.161.1'42:82.0 Н. Гумилёв

ИВАНОВА Людмила Петровна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института иностранной филологии Киевского национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова; Киев, Украина;

e-mail: lupiv@mail.ru; тел.: +38(044)550-60-24

РЕЦЕПЦИЯ ПОЭТА: ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Лингвоимагологический анализ предполагает анализ имиджа одной страны в глазах другого народа. В статье рассматривается восприятие выдающимся поэтом Н. С. Гумилевым, отражающим русское мировидение, Африки, что представляет собой объект лингвоимагологического анализа. В ходе исследования выявлено, что Африка является наиболее упоминаемой частью света в сборнике «Стихи и письма о русской поэзии» Н. С. Гумилева — 71 упоминание, (Европа — 49, Азия — 11, Америка — 2, Австралия — 1). Выделено 8 тематических групп, определена их частотность: животный мир (31 упоминание), страны (10), водоемы (10), европейцы в Африке (6), ландшафт (4), Африка в целом (4), растения (3), люди (3). Предлагаются принципы отбора материала для анализа, разработка методики лингвоимагологического исследования.

Ключевые слова: лингвоимагология, рецепция, поэт, Африка.

Поэт в жизни нашего Отечества, помимо стихотворства, выполнял множество функций, просвещённый читатель расширит, конкретизирует и дополнит данный тезис. В рассматриваемом лингвоимагологическом аспекте важно то, что Поэт воплощает мировидение своего народа, а следовательно, и оценку им того или иного народа, его отдельных представителей и страны, где они проживают, как географического, политического и социального образования.

В название статьи мы вынесли не русское восприятие, а латинскую рецепцию, поскольку она более адекватна лингвоимагологическому анализу. Л. П. Крысин даёт следующее определение: «*Рецепция*, и, мн. нет, ж. [*лат. receptio* — принятие, прием, получение]. 1. физиол. Осуществляемое рецепторами восприятие и преобразование энергии раздражителей в нервное возбуждение. 2. спец. Заимствование и приспособление данным обществом социальных и культурных форм, возникших в другой стране и в другую эпоху. *Р. римского права* (усвоение в странах средневековой Европы римского права) [2, с. 676].

Обратимся к неоднократно упоминаемой лингвоимагологии.

На протяжении последнего времени наши размышления и, естественно, публикации были посвящены проблемам лингвоимагологии. Были сформулированы объект, предмет, метод, что даёт основания рассматривать её как самостоятельную отрасль лингвистического знания, обоснованы научный аппарат и подходы к анализу языкового материала. Предшественниками наших разысканий явились литературоведы (Д. С. Наливайко, В. В. Орехов и др.), поместившие имагологию в сферу сравнительного литературоведения. Думается, что лингвистическая имагология принадлежит прежде всего теории коммуникации и когнитивной лингвистики, образуя особое маргинальное направление, поскольку цель её — изучение образа одного народа и страны в сознании другого народа. Оптимально, когда эта проблема решается «зеркально», поскольку видение другого народа, как показали наши исследования, во многом характеризует народ оценивающий. Таким образом, сформировался предмет лингвоимагологических исследований: что именно произвело впечатление на реципиента (люди, города, искусства и т.д.) и их классификации, аксиологические характеристики, стереотипы, вербальное и невербальное поведение, паралингвистическая ситуация. Перечень не окончен, так как предпринимаются лишь первые исследовательские шаги, материал даёт новые аспекты наблюдений.

Особую важность в лингвоимагологических исследованиях приобретает материал для анализа. Литературоведы (см., например, труды В. В. Орехова) ориентируются прежде всего на мемуары, дневники, прессу. В данной статье мы будем опираться на стихи и письма о русской поэзии Н. Гумилёва — блестящего русского поэта начала XX века, прожившего короткую, но очень яркую жизнь, в которой много места занимали путешествия. Это взгляд носителя элитарной русской культуры, воспитанного в лучших её традициях. Мы ни в коей мере не претендуем на исчерпывающий анализ, поскольку в поле нашего зрения не попала проза поэта (например, «Африканская охота (из путевого дневника)»), переписка. Проанализирован сборник «Стихи. Письма о русской поэзии» (М., «Художественная литература», 1990), соответственно все ссылки с указанием страниц приводятся по данному изданию. Свою задачу мы видим, во-первых, в формировании принципов отбора материала

для анализа (отрицательный результат в данном случае тоже важен), во-вторых, в выработке методики лингвоимагологического анализа.

В статье описывается видение Н. С. Гумилевым Африки. Это наиболее упоминаемая часть света: Африка — 71 упоминание, Европа — 49, Азия — 11, Америка — 2, Австралия — 1. Наибольшее впечатление на русского поэта произвёл животный мир (31 упоминание), следующие группы по степени частотности: страны (10), водоемы (10), европейцы в Африке (6), ландшафт (4), Африка в целом (4), растения (3), люди (3) — всего 8 групп.

Упоминание касается 1 произведения; если в нём об анализируемом говорится несколько раз, упоминание рассматривается как одно. Анализируются только упоминания, содержащие оценочную характеристику. Мы отдаём себе отчет в том, что она требует более глубокой лингвистической проработки, но в данном случае для нас важна прежде всего лингвоимагологическая организация материала.

Наиболее впечатлил русского путешественника слон (5 упоминаний). Он «пустынник» (с. 95), «отшельник» (с. 97), «Он...одинок и велик И вонзает во всех проходящих Пожелтевший изломанный клык» (с. 305–306), он «высок, ... слон дагомейских лесов» (с. 309) и «грузен» (с. 97). Таким образом, характеристики внешности слона традиционны, повадки несколько неожиданны, поскольку мы привыкли знать слона сильным мудрым и доброжелательным животным.

Лев (4 упоминания) — абсолютный хищник: «Одного из них [быка — Л. И.] зарезал лев» (с. 162), «Там не слышно, как бродят свирепые львы, наполняя рыканьем рвы» (с. 300), «Львом я был между яростных львов» (с. 306), «Лев стремительно бежит» (с. 95).

Амбивалентен волк (3 упоминания). С одной стороны, хищник: «Я не убийца, Я не волк» (с. 111), «Лёгкий волк, душа ловитя, Зубы белы, взор не робок» (с. 95), с другой — товарищ: «Помню и волка; с нами в мире Вместе бродил он, вместе спал, вечером я играл на лире, А он тихонько подвывал» («Товарищ»).

Обезьяна (3 упоминания) особых симпатий не вызывает: «Обезьяна держит финик и пронзительно визжит» (с. 95); «Обезьяны обрывают наши смоквы, Хуже обезьян и носорогов Белые бродяги итальянцы» (с. 161).

Носорог (3 упоминания) агрессивен и опасен: «разъярённый носорог» (с. 79), «Встретить спокойно носорога, как чудовищного бога» (с. 80), «Носороги топчут наше дурро» (с. 161).

Буйволы (2 упоминания), гиены (1 упоминание), леопарды (1 упоминание), тигры (1 упоминание), гиппопотам (1 упоминание) эмоций не вызывают, констатируются их традиционные особенности: «...буйвол сонный Отступает глубже в грязь» (с. 79–80), «...и буйвол рыкает могучий» (с. 168); «...и в Тигрэ заухали гиены» (с. 161); «Прыгайте стремительно с утесов — Вас прыжкам учили леопарды» (с. 162); «Тигр угрожающе рычит» (с. 168); «Гиппопотам с огромным брюхом живет в яванских тростниках... А он пасется или спит. Ни стрел, ни острых ассагаев — Он не боится ничего, И пули редкие синаев Скользят по панцирю его» (с. 168).

«Изысканный жираф» стал эмблемой творчества Н. Гумилева: «Изысканный бродит жираф. Ему грациозная стройность и нега дана И шкуру его украшает волшебный узор, С которым сравняться осмелится только луна, Дробясь и качаясь на влаге широких озер. Вдали он подобен цветным парусам корабля, И бег его плавлен, как радостный птичий полёт» (с. 79).

Собаки в Африке трусливы: «Ты не был трусливой собакой» (с. 306); зебры «веселы»: «По ночам выбегали весёлые зебры, Мне был слышен их храп и удары копыт» (с. 327), а верблюды «смешные»: «...и такие смешные верблюды, с телом рыб и с головками змей, Как огромные, древние чуда из глубин пышноцветных морей» (с. 286).

Совершенно импрессионистична характеристика газели (1 упоминание): «И я Вам подарю газель С такими нежными глазами, Что кажется — поет свирель» (с. 319). Так же импрессионистично описание лесного пожара: «Резкий грохот, тяжкий топот, Вой, мычанье, визг и рев, И зловещетихий ропот Закипающих ручьёв» (с. 94–95).

В рамках животного мира Африки рассматриваем насекомых и пресмыкающихся: оса (1 упом.): «А второй [бык — Л. И.] взбесился и бежал, Звонкою ужаленный осой» (с. 162); удав (1 упом.): «...свистит боа, скользая над кручей» (с. 168).

Как ни странно, второе место по степени упоминаемости в Африке занимают водоёмы (10 упом.), реки (Нил) — 3 упом.: «А когда на изумрудах Нила Месяц закачался и поблек» (с. 63) — классическое акмеистическое описание; «И темный Нил, владыка вод бесшумных» (с. 64), «Задумчивое устье Нила» (с. 183).

Красное море (3 упом.): «Здравствуй, Красное море, акуля уха, Негритянская ванна, песчаный котёл! На утёсах твоих вместо влажного мха Известняк, словно каменный кактус, расцвёл. На твоих островах в раскалённом песке, Позабыты приливом, растущим в ночи, Издыхают чудовища моря в тоске: осьминоги, тритоны и рыбы-мечи. С африканского берега сотни пирог Отплывают и жемчуга ищут вокруг... Но араб несчастливый находит приют В грязно-рыжих твоих и горячих волнах. ... У песчаных, серпями изогнутых кос Мели, точно цветы, зелены и красны. ... — Море, Красное море, ты царственно днём, Но ночами вдвойне ослепительно ты!» (с. 285). «И от голых песчаных утесов Бесполойного Красного моря» (с. 296); «Между берегом буйного Красного моря» (с. 296). Сейчас, возможно, благодаря Суэцкому каналу, Красное море преимущественно спокойно, и жемчуг там никто не ловит.

Озеро Чад (3 упом.): «На таинственном озере Чад» (с. 80); «властительного Чада» (с. 80); «Садовод Всемогущего Бога В серебрищейся мантши крыльев... Создал тихое озеро Чад» (с. 294).

Суэцкий канал (1 упом.): «Водяной карнавал В африканской пустыне. ... И в ответ пароход, Звезды ночи печалю, Спящей Африке шлет Переливы рояля» (с. 293).

Растения Африки упоминались 3 раза. В стиле поэтики акмеизма описан **каирский сад**: «Большой каирский сад, луною полной Торжественно в тот вечер освещенный... Но этот сад, он был во всем подобен Священным роцам молодого мира: Там пальмы тонкие взносили ветви, Как девушки, к которым Бог нисходит; На холмах, словно вещи друиды, толпились величавые платаны, И водопад белел во мраке, точно Встающий на дыбы единорог; Ночные бабочки перелетали Среди цветов, поднявшихся высоко, Иль между звезд, — так низко были звезды, Похожие на спелый барбарис» (с. 248). **Пальмы** (1 упом.): «Снова увидим священные пальмы» (с. 111), **миמוзы** (1 упом.): «Не хватают мимозы колочей рукой Проходящего в бездне ночной!» (с. 300).

Замыкает описание природы Африки ландшафт (4 упом.).

Пустыня (2 упом.): «О какой же пел он ныне Неоткрытой красоте? — О пустыне И мечте» (с. 144); «Не знаешь разве ты, как небо синее, Как веселы широкие пустыни» (с. 339). Так может писать лишь человек, полюбивший величественную африканскую пустыню, в частности Сахару, которой он пророчит великое и страшное будущее: «Все пустыни друг другу от века родны, Но Аравия, Сирия, Гоби — Это лишь затиханье сахарской волны, В сатанинской воспрянувшей злобе... Блещут скалы, темнеют под ними внизу Древних рек каменистые ложа. На покрытое волнами море в грозу, Ты промолвишь, Сахара похожа. Но взглядишь: эта вечная слава песка — Только горного отсвет пожара. С небесами, где легкие снят облака, Бродят радуги, схожа Сахара. ... Потому что пустынные ветры горды И не знают преград своеволью, рушат стены, сады засыпают, пруды Отравляют белеющей солью. И, быть может, немного осталось веков, Как на мир наш, зеленый и старый, Дико ринутся хищные стаи песков Из пылающей юной Сахары. Средиземное море засыпят они, И Париж, и Москву, и Афины, И мы будем в небесные верить огни, на верблюдах своих бедуины. И когда наконец корабли марсиан У земного окажутся шара, То увидят сплошной золотой океан И дадут ему имя: Сахара» (с. 289–292).

Черчерские горы (1 упом.): «Сквозь Черчерские дикие горы» (с. 298).

Русский поэт много путешествовал по Африке, посетил разные страны, практически каждой посвятил отдельное стихотворение. В лингвоимагологическом аспекте впечатления Н. Гумилёва таковы.

Либерия (3 упом.): «И про каждого слава идет, Что отважнее нет пред бедою, Что одною рукой он спасет И ограбит другою рукою» (с. 301–302). Официальные лица неизменно вызывают злую насмешку автора: «Но взгляните: черней сапога Господин президент и министры» (с. 302); «Европеец один уверял, Президентом за что-то обижен, Что большой шимпанзе потерял Путь назад среди окраинных хижин. Он не струсил и, пестрым платком Скрыв стыдливо живот волосатый, в президентский отправился дом, Президент отлучился куда-то. Там размахивал палкой своей, Бил посуду, шатался, как пьяный, И, не узнана целых пять дней, управляла страной обезьяна» (с. 303).

Сомали (2 упом.): «И белели среди черных, священных камней Вороха черепов и костей. В целой Африке нету грозней Сомали, Безотраднее нет их земли. Сколько белых пронзило во мраке копье У песчаных колодцев ее» (с. 301). «Завтра бой, беспощадный, томительный бой С завывающей черной толпой» (с. 300). Вспомним, что сомалийские пираты — мощная враждебная сила и по сей день.

Абиссиния (2 упом.): «С отдыхающей львицею схожа страна» (с. 296); «Европеец дивится, как странно похожи Друг на друга народ и отчизна его. Колдовская страна» (с. 297). Характеристика безусловно положительная.

Все остальные страны упомянуты по одному разу, приведем их в алфавитном порядке.

Дагомея: «Царь сказал своему полководцу: «Могучий, ты высок, точно слон дагомейских лесов, Но ты все-таки ниже торжественной кучи Отсеченных тобой человечьих голов...» (с. 309).

Египет: «Изумрудные эти равнины И раскидистые пальм веера. И каналы, каналы, каналы, что несутся вдоль глиняных стен» (с. 288); «Растут пирамиды Пред тобою, черны и страшны» (с. 287); «Там, взглянув на пустынную реку, Ты воскликнешь: Ведь это же сон: Не прикован я к нашему веку, Если вижу сквозь бездну времен» (с. 287); «Пусть хозяева здесь — англичане, Пьют вино и играют в футбол... Пусть! Но истинный царь над странюю Не араб и не белый, а тот, Кто с сохою или с бороною Чёрных буйволов в поле ведет... Он любимец священного Нила И его современник — феллах» (с. 288–289).

Замбези: «Он поёт, этот воин-зулус. С той поры я всегда наготове, По ночам мне не хочется спать, Много, много мне надобно крови, Чтобы жажду мою утолять» (с. 305). Известно, что зулусы до нашего времени пьют горячую кровь, только сейчас это кровь домашних животных, во времена Н. Гумилёва это была, скорее всего, ещё кровь врагов.

Нигер: «А вокруг города, точно горсть виноградин, Это — Бусса, и Гомба, и царь Тим-букту. Самый звук этих слов мне, как солнце отраден, Точно бой барабанов, он будит мечту» (с. 310).

Абсолютно противоположное впечатление произвел на поэта Судан: «...как грозящие руки, Минареты возносятся к небу. А на тронах из кости слоновой Восседают, как древние бреды, Короли и владыки Судана; Рядом с каждым, прикованный цепью, Лев прищурился, голову поднял и с усом лижет кровь человечью, Рядом с каждым играет секирой Толстогоубый, с лоснящейся кожей, чёрный, словно душа властелина, В ярко-красной рубашке палач» (с. 294).

Таким образом, русский поэт видит Африку очень разной: дикие обычаи, воинственность, жестокость, но в то же время древность египетской цивилизации, прекрасная природа и животный мир. Собственные правители дики и необразованны, колонизаторы-англичане тоже чужеродны. Заслуживает быть истинным царём только тот, кто из поколения в поколение тяжело трудится, выращивая пропитание.

Жители Африки особого пиетета автора не вызывают.

Арабы (1 упом.): «*Скитальцы арабы, искатели веры И первые люди на первом плоту!*» (с. 124).

Женщины (1 упом.): «*Жирные женщины Габеша, Хитрые и злые сомалийки И грязные поденщицы Каффы*» (с. 163).

Особое внимание русского поэта привлекают европейцы в Африке (6 упоминаний). Он пишет о французах и итальянцах: «*И надменно проходят французы, Гладко выбриты, в белой одежде, В их карманах бумага с печатью, Их завидя, владыки Судана Поднимаются с тронов своих*» (с. 294). Иная судьба у тех, кто отправился в экваториальный лес: «*Нет, я жив, только связан... злодеи, злодеи, Отпустите меня, я не в силах смотреть!.. Жарят Пьера... а мы с ним играли в Марселе, На утёсе у моря играли детьми*» (с. 309). Африканцы оценивают итальянцев следующим образом: «*Хуже обезьян и носорогов Белые бродяги итальянцы*» (с. 161), поэтому «*Кто добудет в битве больше ружей, Кто зарежет больше итальянцев, Люди назовут того ашкером Самой белой лошади негуса*» (с. 161).

Н. Гумилёв называет причину такой ненависти: «*И выходит из шатра европеец, Размахивая длинным бичом. Он садится под тенью пальмы, Обвернув лицо зеленой вуалью, Ставит рядом с собой бутылку виски И хлещет лоснящихся рабов. Слава нашему хозяину европейцу, У него такие дальнобойные ружья, У него такая острая сабля И так больно хлещущий бич! Слава нашему хозяину европейцу, Он храбр, но он недогадлив, У него такое нежное тело, Его сладко будет прозвать ножом!*» (с. 162–163); «*В целой Африке нет грозней Сомали ... Сколько белых пронзило во мраке копьё У песчаных колодцев её*» (с. 301).

Иначе ведёт себя русский путешественник. Ирония его очевидна, однако он стремится ничем не обидеть представителя чужой страны: «*И таинственный город, тропический Рим, Шейх-Гуссейн я увидел высокий, Поклонился мечети и пальмам святым, Был допущен пред очи пророка. Жирный негр восседал на персидских коврах В полутемной неубранной зале, Точно идол, в браслетах, серьгах и перстнях, лишь глаза его дивно сверкали. Я склонился, он мне улыбнулся в ответ, По плечу меня с лаской ударя, Я бельгийский ему подарил пистолет И портрет моего государя. Все расспрашивал он, много ль знают о нём В отдалённой и дикой России... Вплоть до моря он славен своим колдовством, И дела его точно благи: Если мула в лесу ты не можешь найти Или раб убежал беспокойный, Все получишь ты вдруг, обещав принести Шейх-Гуссейну подарок пристойный*» (с. 300).

Следовательно, Н. Гумилёв не признаёт цивилизационной роли Европы в Африке. Надо уважать её обычаи.

Чтобы сложить разрозненную смальту в целостную мозаику, обратимся к текстам, в которых Н. Гумилёв пишет об Африке в целом (4 упомин.).

С одной стороны, она для него близка и дорога: «*Оглушённая рёвом и топотом, Облечённая в пламя и дымы, О тебе, моя Африка, шёпотом В небесах говорят серафимы. И, твоё раскрывая Евангелие, Повесть жизни ужасной и чудной, О неопытном думает ангеле, Что приставлен к тебе, безрассудной. Обреченный тебе, я поведаю О вождях в леопардовых шкурах, Что во мраке лесов за победою Водят полчища воинов змурых; О деревнях с кумирами древними, Что смеются улыбкой недоброй, И о львах, что стоят над деревнями И хвостом ударяют о рёбра*» (с. 284).

Континент богат: «*Нежней цветы и звёзды ярче В стране, где светит Южный Крест, В стране богатой, словно ларчик для очарованных невест*» (с. 318).

Африка для русского поэта стала мечтой, навеваемой ветром: «*Ах, бежать бы, скрыться бы, как вору, В Африку, как прежде, как тогда, Лечь под царственную сикомору И не подниматься никогда. Бархатом меня накроет вечер, А луна оденет в серебро, И быть может, не припомнит ветер, Что когда-то я служил в бюро*» (с. 359); «*Сердце Африки пенья полно и пыланья, И я знаю, что, если мы видим порой Сны, которым найти не умеем названья, Это ветер приносит их, Африка, твой!*» (с. 311).

Подведём некоторые итоги.

1. Поэзия большого поэта уникальна по форме (мы обращаем внимание на акмеистические и импрессионистические описания), но взгляд представлен внимательный и точный: осуждение дикости и интерпретация её как реакции на поведение европейцев, стремление установить уважительные контакты с представителями чужих народов и т. п. Следовательно, поэзия может быть материалом для лингвоимпактологического анализа, однако очень внимательно нужно отнестись к личности поэта, поскольку поэзия — самая личностная сфера. И как в капле воды отражается солнце, так в творчестве большого поэта отражается народное мировидение.

2. Трудно или невозможно выявить константные характеристики того или иного народа и страны, где он живёт. Изменилась политическая ситуация в Африке, поэтому ушли в прошлое кровожадные правители, европейцы перестали быть надсмотрщиками с бичом. Животные, во многом утраченные из-за хищнической охоты, разместились в национальных парках. Неизменно прекрасна пустыня и древние египетские пирамиды, изменилось, но осталось сказочно красивым Красное море. Значит, для

имагологических характеристик необходимо учитывать синхронный срез, неплохо бы определиться с его границами.

3. Практически не проявилась противоположная оценка — африканцами России, нельзя всерьёз рассматривать оценку вождя-колдуна «холодная и дикая Россия».

4. Опыт показывает, что наиболее целесообразный путь анализа — сплошная выборка с последующим описанием: выделением тематических групп, определением их частотности.

Таким образом, рецепция Поэтом даже очень далеких от русской жизни земель позволяет эксплицировать народное мировидение в определённых пространственно-временных рамках, что даёт интересный материал для лингвоимагологических разысканий.

Литература

1. Гумилёв Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии / Н. С. Гумилёв. — М.: Художественная литература, 1990. — 447 с.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М.: ЭКСМО, 2007. — 944 с.

References

1. Gumilev N. S. Stikhi. Pisma o russkoy poezii / N. S. Gumilev. — M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. — 447 s.
2. Krysin L. P. Tolkovyi slovar' inoyazychnyh slov / L. P. Krysin. — M.: EKSMO, 2007. — 944 s.

Іванова Людмила Петрівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови Інституту іноземної філології Київського національного педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова; Київ, Україна;
e-mail: lupiv@mail.ru; тел.: +38(044)550-60-24

РЕЦЕПЦІЯ ПОЕТА: ЛІНГВОІМАГОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

Анотація. Лінгвоімагологічний аналіз передбачає аналіз іміджу однієї країни у рецепції іншого народу. У статті розглядається сприйняття видатним поетом Н. С. Гумільовим, який втілює російське світобачення, Африки, що є об'єктом лінгвоімагологічного аналізу. У ході дослідження виявлено, що Африка є найбільш згадуваною частиною світу у аналізованих текстах — 71 згадка, (Європа — 49, Азія — 11, Америка — 2, Австралія — 1). Виділено 8 тематичних груп, визначено їх частотність: тваринний світ (31 згадка), країни (10), водойми (10), європейці в Африці (6), ландшафт (4), Африка в цілому (4), рослини (3), люди (3). Пропонуються принципи відбору матеріалу для аналізу, розробка методики лінгвоімагологічного дослідження.

Ключові слова: лінгвоімагологія, рецепція, поет, Африка, М. Гумільов.

Ljudmila P. Ivanova,

Grand PhD in Philological Sciences, Prof. of the Russian Language Department of the Foreign Philology Institute, National Pedagogical Dragomanov University; Kiev, Ukraine;
e-mail: lupiv@mail.ru; тел.: +38(044)550-60-24

POET'S PERCEPTION: LINGVOIMAGOLOGICAL VIEW

Summary. Lingvoimagology is a marginal linguistic school, based on interaction of the theory of communication and cognitive linguistics. The object of lingvoimagology is an image of a nation and its country in the opinion of other nations. The subject is an axiological characteristics, stereotypes, verbal and nonverbal behaviour, paralinguistic situation. The material for lingvoimagological analysis can be taken from itinerary, literary and publicistic texts, particularly poet's perception as he is an embodiment of his nation's vision of the world. Therefore a poet expresses an appraisal of some people (nation), its representatives and country as geographical, political and social formation. In the article, the outstanding Russian poet of the beginning of the XX century N. Gumilev's sight of Africa is analysed. He lived a short but very bright life as travelled a lot. The poet was brought up in the best traditions of elite Russian culture and represents this point of view. The collected poems «Poems. Letters about Russian poetry» («Стихи. Письма о русской поэзии» М., 1990) is examined. The following results are achieved. In the analysed book the most mentioned part of the world is Africa — 71 mentions, Europe — 49, Asia — 11, America — 2, Australia — 1. 8 theme groups are allocated, their rate is defined: 1) fauna (31 mentions): lion (4), wolf (3), monkey (3), rhino (3), buffalo (2), hyena (1), leopard (1), tiger (1), hippo (1), giraffe (1), dog (1), gazelle (1). Also insects and reptiles are described in the group: wasp (1), an anaconda (1); 2) reservoirs (10): Nile (3), Red Sea (3), Lake Chad (3), the Suez Canal (1); 3) countries (10): Liberia (3), Somalia (2), Abyssinia (2), rest of the countries are mentioned once: Dahomey, Egypt, Zambezi, Niger; 4) Europeans in Africa: Italians (2), Europeans in the whole (2), Frenchmen (1), Russians (1); 5) landscape of a country (4): a desert as a whole (2), Sahara (1), Gegeera mountains (1); 6) Africa as a whole (4); 7) plants (3): Cairo garden (1), palms (1), mimosas (1); 8) people (2): Arabs (1), women (1). Therefore, the poet's perception of so far lands gives a possibility to explicate people's world view in the definite spatiotemporal frames.

Key words: lingvoimagology, perception, poet, Africa, N. Gumilev.

Статтю отримано 30.08.2013 р.